

Максимъ Ковалевскій.

ПЕРВОБЫТНОЕ ПРАВО

ВЫПУСКЪ II.

С Е М Ь Я.

- а) Происхожденіе брака; б) древнѣйшіе способы его заключенія;
в) брачные подарки.

МОСКВА

Типографія А. И. Мамонтова и К^о, Леонтьевскій пер., № 5.

1886

I.

Слѣды безпорядочнаго полового сожитія.

Когда Гоббсъ, характеризуя отношенія людей другъ къ другу въ первобытномъ, или, какъ тогда говорили, естественномъ состоянїи, называлъ его *bellum omnium contra omnes*, онъ дѣлалъ лишь одну вполне понятную въ его время ошибку. Онъ отправлялся отъ воззрѣнїа, что люди живутъ особнякомъ, и приходилъ послѣдовательно къ выводу, что, питая взаимно тѣ чувства, какія волкъ питаетъ къ человѣку, они не могутъ относиться другъ къ другу иначе, какъ враждебно. Современная этнологія разсѣяла прежнее воззрѣнїе на жизнь людей особнякомъ даже на низшихъ ступеняхъ развитїа. Мы находимъ, правда, туземцевъ Новой Голландїи въ этомъ состоянїи; но большинство изслѣдователей согласны въ томъ, что современное намъ населенїе внутренней части австралійскаго материка — не болѣе, какъ разсѣянные остатки прежнихъ взаимно истребившихъ другъ друга племенъ, и что по этой причинѣ, при всей его дикости, ихъ состоянїе не можетъ быть названо первобытнымъ. Вообще мы считаемъ нужнымъ замѣтить, что, говоря о первобытномъ состоянїи, мы разумѣемъ лишь самую раннюю изъ извѣстныхъ намъ стадій общественнаго развитїа, не утверждая въ то же время, что ей не могла предшествовать болѣе ранняя и потому болѣе простая форма общественныхъ отношеній, которая, по недостаточности дошедшихъ до насъ слѣдовъ ея существованїа, не можетъ быть нами болѣе восстановлена. И такъ, повторяемъ, древнѣйшїй изъ извѣстныхъ намъ періодовъ общественнаго развитїа застаетъ отдѣль-

ныя племена въ стадообразномъ состояніи, ведущими постоянную войну другъ съ другомъ.

По описанію Даннера, нѣкоторыя негритянскія племена живутъ доселѣ этой формою быта. Женщины и дѣти считаются общимъ достояніемъ цѣлой группы, отдѣльные члены которой обозначаются не иначе, какъ по ихъ физическимъ особенностямъ, такъ напр., высокій, хромой и т. д. Эти племена, по единогласному утвержденію посѣтившихъ ихъ путешественниковъ, состоятъ въ постоянной войнѣ между собою и взаимно истребляютъ другъ друга. Тѣми же красками путешественники рисуютъ общественный бытъ туземцевъ въ нѣкоторыхъ округахъ Новой Зеландіи, въ южной Америкѣ, на островахъ Андаманскихъ и Никобарскихъ, наконецъ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Кавказа, насколько можно судить изъ описываемаго Пржевальскимъ свободного сожитія, по крайней мѣрѣ, до замужества молодыхъ людей обою пола. Изъ всѣхъ извѣстныхъ намъ стадій общественнаго развитія описанная есть наиболѣе первобытная. Утверждать, что она непременно должна быть найдена въ исторіи каждаго народа, значило бы вносить догматизмъ въ науку, которая, благодаря своему позднему появленію, не успѣла установить до сихъ поръ ничего, кромѣ въ высшей степени правдоподобныхъ гипотезъ; но говорить, что дошедшія до насъ свѣдѣнія касательно ранняго періода въ исторіи общественнаго развитія почти всѣхъ извѣстныхъ намъ народовъ, сохраняя еще многочисленные слѣды общенія женъ, даютъ право заключить, что ихъ первоначальный бытъ мало чѣмъ отличался отъ вышеописаннаго состоянія африканскихъ, американскихъ и австралійскихъ племенъ, значить не болѣе, какъ устанавливать согласную съ положительными данными и потому вполне научную гипотезу. Имѣя главнымъ образомъ въ виду арійскую семью народовъ, я ограничусь точнымъ приведеніемъ тѣхъ фактовъ, на основаніи которыхъ мнѣ кажется возможнымъ считать стадообразное состояніе съ полнымъ общеніемъ женъ низшей ступенью ихъ общественнаго развитія. Изъ различныхъ вѣтвей арійской расы ни одни не сохранили столько остатковъ архаической старины, какъ Славяне; съ нихъ мы и начнемъ поэтому нашъ обзоръ.

Говоря о древнемъ бытѣ Чеховъ, Козьма Пражскій характеризуетъ его слѣдующими чертами: «народъ этотъ не знаетъ постоянства брачныхъ узъ: подобно скотамъ вступаютъ они въ связь каждую ночь съ новой женщиной и съ наступленіемъ зари разрываютъ, какъ онъ выражается, желѣзные оковы любви. «*Qui etiam ipsa connubia erant illis communia. Nam more pecudum singulos ad noctes novos probant hymenaeos et surgente aurora trium gradiarum copulam et ferrea amoris rumpunt vincula*». Въ русской литературѣ не разъ высказывалось мнѣніе, что рассказъ Козьмы Пражскаго объ общности женъ у древнихъ Чеховъ есть чистѣйшій вымыселъ, потому что такого быта не знаетъ исторія. Современная этнологія позволяетъ намъ скептически отнестись къ самимъ скептикамъ. Рассказъ Козьмы Пражскаго не можетъ быть названъ плодомъ фантазіи, во первыхъ, потому, что описываемый имъ бытъ дѣйствительно существовалъ и еще въ настоящее время существуетъ какъ на старомъ, такъ и на новомъ материкѣ; а во вторыхъ, потому, что прямое подтвержденіе свидѣтельство Козьмы Пражскаго находитъ въ приводимомъ Маціевскимъ извлеченіи изъ житія св. Адальберта. Изъ этого извлеченія видно, что главною причиною недовольства мѣстнаго населенія св. Адальбертомъ была его ревностная проповѣдь въ пользу брачной жизни и неустрашимые нападки на сожительство съ родственницами, — сожительство, которое цитируемое нами житіе характеризуетъ словами: «*populus miscebatur cum cognatis et sine lege cum uxoribus multis*», и которое являлось необходимымъ результатомъ общенія женъ въ предѣлахъ одного и того же племени. Что описываемый Козьмой Пражскимъ порядокъ общенія женъ не составляетъ исключительной особенности однихъ чеховъ и что на первыхъ порахъ онъ встрѣчается и у русскихъ славянъ, доказательствомъ этому служитъ свидѣтельство Нестора о бытѣ Радимичей, Вятичей и Сѣверянъ. «Радимичи, Вятичи и Сѣверь», говорится въ лаврентьевской лѣтописи, «одинъ обычай имяху..... брацы же не бываху въ нихъ, но игрища межю селы. Схожахуся на игрища и ту умыкаху жены собѣ, съ нею же кто совѣщашеся; имѣху же по двѣ и по три жены». Спрашивается теперь, имѣли-ли умыканія на игрищахъ необходи-

мымъ послѣдствіемъ личный бракъ, или они сами по себѣ составляли бракъ временный, сходный съ тѣмъ общимъ смѣшеніемъ половъ, о которомъ говоритъ Козьма Пращскій въ изображеніи древняго быта чеховъ. Отвѣтъ на этотъ вопросъ, справедливо замѣчаетъ г. Якушкинъ въ своемъ любопытномъ предисловіи къ библиографіи русскаго обычнаго права, даютъ Переяславская лѣтопись и дошедшія до насъ извѣстія о подобныхъ игрищахъ, существовавшихъ въ позднѣйшее время. По словамъ Переяславской лѣтописи Радимичи, Вятичи и Сѣверяне не любили браковъ, но на игрищахъ между селами у нихъ допускалась свобода половыхъ сношеній. Еще подробнѣе говорится объ игрищахъ въ позднѣйшихъ извѣстіяхъ. Въ правилахъ митрополита Кирилла, XIII вѣка, значится: «мы слышали, что въ предѣлахъ новгородскихъ невѣсты водятъ къ водѣ, и нынѣ не велимъ чтобы это такъ было и повелѣваемъ это проклинять. Мы слышали, что въ субботу вечеромъ собираются вмѣстѣ мужи и жены и играютъ безстыдно и скверну творятъ въ ночь Святаго Воскресенія». То, что на первыхъ порахъ было общимъ правиломъ, съ теченіемъ времени продолжаетъ оставаться не болѣе, какъ исключеніемъ. Общеніе женъ, имѣвшее первоначально мѣсто круглый годъ, ограничивается лишь періодомъ извѣстныхъ праздниковъ, имѣющихъ, правда, чисто христіанскій характеръ, но возникшихъ еще въ эпоху язычества и сохранившихъ поэтому во всѣхъ производимыхъ на нихъ обрядахъ слѣды языческой старины. Кому неизвѣстенъ праздникъ Ивана Купалы, праздникъ, который въ малороссійскихъ селахъ до сихъ поръ не обходится безъ зажиганія большихъ огней въ поляхъ и благороднаго соревнованія между хлопцами и дивчинами въ томъ, кто ловчѣе перепрыгнетъ черезъ разставленные огни, не обжегши себѣ при этомъ босыхъ пятокъ. Извѣстно также, что по мнѣнію всѣхъ знатоковъ славянской міѳологіи этотъ праздникъ возникъ впервые въ эпоху язычества и установленъ былъ въ честь Перуна, что съ введеніемъ христіанства Іоаннъ Предтеча вступилъ въ то положеніе, какое нѣкогда занималъ Перунъ, какъ это случилось со многими христіанскими святыми по отношенію къ языческимъ божествамъ. Неудивительно поэтому, если на этихъ

праздникахъ, по свидѣтельству игумена Елеазарова монастыря Памфила отъ 1505 г., происходило то умыканіе дѣвицъ и то смѣщеніе половъ, о которомъ говорятъ какъ Лаврентьевская, такъ и Переяславская лѣтописи, и противъ которыхъ Стоглавъ счелъ нужнымъ принять весьма строгія, но едва ли успѣшныя мѣры. Не въ одинъ праздникъ Ивана Купалы имѣли мѣсто такія явленія, мы встрѣчаемъ ихъ, по свидѣтельству Стоглава, и на ночныхъ игрищахъ наканунѣ Рождества Христова и Богоявленія. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ эти игрища сохранились и до нашихъ дней съ ихъ первоначальнымъ значеніемъ. Въ Нижегородской губерніи, говоритъ г. Якушкинъ, въ настоящее время сходятся на красную горку женихи и невѣсты, нарядясь какъ можно лучше; при этомъ бываютъ и умыканія. Купальныя ночи (купальни) начинаются съ перваго воскресенья послѣ пасхи и продолжаются до осени во всѣ праздники. Отъ этихъ ночей сначала завязывается лада, потомъ сватовство.

Если индивидуальной семьѣ рано или поздно и удастся занять мѣсто полнаго общенія женъ въ предѣлахъ одного и того же племени, то слѣды первоначальнаго коммунизма долгое время сохраняются въ большой свободѣ половыхъ сношеній. Въ современномъ намъ крестьянскомъ быту эта свобода еще далеко не исчезла. Стоитъ вспомнить только о великорусскихъ посидѣлкахъ и малорусскихъ вечерницахъ, сохранившихъ во многихъ мѣстностяхъ нашихъ сѣверныхъ и южныхъ губерній тотъ характеръ, какимъ отличались описываемыя Несторомъ игрища и сходки между селами. Въ нѣкоторыхъ селеніяхъ Цинежскаго уѣзда, Архангельской губерніи, говоритъ г. Якушкинъ, ссылаясь на данныя, почерпнутыя имъ изъ архангельскихъ губернскихъ вѣдомостей, сохранилась еще полная свобода половыхъ сношеній на вечеринкахъ. Сношенія эти не считаются тамъ предосудительными; напротивъ того, дѣвушка, не выбранная парнемъ на вечеринкѣ, нерѣдко должна бываетъ выслушивать горькіе упреки отъ своей матери. Въ Харьковской губерніи, на сколько мнѣ извѣстно, родители и родственники смотрятъ на вечерницы, какъ на дѣло очень обыкновенное, и только тогда обнаруживаютъ свое неудовольствіе ими, когда въ той или другой семьѣ оказывается беременная дѣвушка. Ежели

въ другихъ мѣстностяхъ посидѣлки и вечерницы, даже при обычаѣ ложиться спать попарно, имѣють вполне цѣломудренный характеръ, то это не опровергаетъ мысли, высказанной выше объ ихъ значеніи. но указываетъ только, что отъ существовавшаго прежде обычая остался одинъ обрядъ *).

Различныя формы гостепріимнаго гетеризма у русскихъ инородцевъ представляютъ самый наглядный примѣръ такого перехода обычая въ обрядъ, потерявшій всякое дѣйствительное значеніе. У сидячихъ Коряковъ и Чукчей гостепріимство требуетъ, чтобы хозяинъ предоставлялъ въ распоряженіе гостя жену свою или дочь. Отказъ гостя составляетъ такое глубокое оскорбленіе, за которое онъ можетъ быть убитъ хозяиномъ. У нѣкоторыхъ кавказскихъ племенъ отъ обычая этого сохранился только обрядъ. У нихъ по тѣмъ же законамъ гостепріимства дочь хозяина спитъ въ одной комнатѣ съ гостемъ, но сохраняетъ вполне цѣломудріе. На ту же свободу половыхъ сношеній, о которой свидѣлствуютъ сохранившіяся въ нашемъ крестьянскомъ быту посидѣлки и вечерницы, указываютъ и свадебные обряды нѣкоторыхъ мѣстностей, напр., Ставропольской губерніи, въ которой, согласно указаніямъ Альшанскаго, въ день дѣвичника послѣ пирушки, на которую приглашаютъ молодыхъ дѣвушекъ и парубковъ, всѣ ложатся спать, женихъ съ невестой, а парубки съ прочими дѣвицами.

Слѣды нѣкогда существовавшаго общенія женъ сохранились не у одной славянской вѣтви арійской семьи народовъ. Если при изложеніи данныхъ въ пользу признанія факта безпорядочности полового сожителства въ средѣ арійскихъ народовъ мы прежде всего обратились къ изученію обломковъ брачнаго коммунизма у славянскихъ народностей, то лишь потому, что ни у одной вѣтви арійскаго племени мы не можемъ прослѣдить въ такой мѣрѣ, какъ у Славянъ, съ одной стороны, локализацию обычая, съ другой — ограниченіе его во времени, съ третьей — переходъ самаго обычая въ обрядъ. Зная

*1 См. Сумцовъ. Статья о вечерницахъ въ Историческомъ Вѣстникѣ за 1886 г., мартъ мѣсяцъ.

теперь, какіе фазисы проходить при своемъ вымираніи первоначальная свобода половыхъ сношеній. мы въ состояніи, на основаніи сохранившихся обломковъ архаическаго общенія женъ у другихъ отраслей арійской расы, возсоздать въ умѣ тотъ отдаленный періодъ, когда это общеніе было общераспространеннымъ въ ихъ средѣ обычаемъ.

Обратимся прежде всего къ Кельтамъ и посмотримъ, не дають ли намъ, съ одной стороны, свидѣтельства древнихъ писателей, съ другой—дѣйствовавшіе уже въ историческій періодъ ихъ жизни обычаи право заключить, что стадообразное состояніе съ полнымъ общеніемъ женъ было дѣйствительною формою ихъ общественныхъ отношеній. Въ пятой книгѣ своихъ знаменитыхъ комментаріевъ на войну съ Галлами Юлій Цезарь даетъ намъ слѣдующее описаніе Бритовъ: «*uxores habent deni duodenique inter se communes et maxime fratres cum fratribus. parentesque cum liberis*». Изъ дальнѣйшаго изложенія читатель увидить, что описываемая здѣсь Цезаремъ форма общенія женъ между братьями есть форма позднѣйшая, возникновеніе которой обуславливается ограниченіемъ извѣстной категоріей лицъ безпорядочнаго на первыхъ порахъ полового сожитія. Въ настоящую минуту насъ интересуетъ лишь то обстоятельство, что въ эпоху Юлія Цезаря Кельты сохранили еще слѣды брачнаго коммунизма, если не на всемъ протяженіи Галліи, въ большей части провинцій которой самопроизвольный процессъ общественнаго развитія привелъ уже къ выдѣленію не только индивидуальныхъ семействъ и частныхъ помѣстій, но и привилегированныхъ сословіи въ лицѣ друидовъ и рыцарей, то по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ частяхъ ея (я разумѣю Бретань и Шотландію), въ которыхъ поступательное развитіе общества было задержано физическими условіями мѣстности. Свидѣтельство Цезаря пріобрѣтаетъ еще большее значеніе, если сопоставить его съ нѣкоторыми другими. Говоря это, я разумѣю, во 1-хъ, правила, принятыя въ серединѣ V вѣка на одномъ изъ помѣстныхъ соборовъ во Франціи противъ брака между родными братьями и сестрами; во вторыхъ, долго державшійся въ средѣ горныхъ Шотландцевъ обычай допускать сожительство жениха съ невестой до совершенія религіей освя

щенного обряда и считать обязательство его вступить въ бракъ прекратившимся въ томъ случаѣ, если дѣвушкѣ не удастся забеременеть; въ третьихъ, наконецъ,—до сихъ поръ встрѣчающуюся въ крестьянскомъ населеніи Ирландіи свободу половыхъ сношеній,—свободу, которая ведетъ къ существованію безнравственнаго въ нашихъ глазахъ обычая *bundling*, другими словами—свободной любви между молодыми мужчинами и женщинами до самаго момента ихъ вступленія въ бракъ. Въ сборникѣ ирландскихъ пѣсенъ (изд. Whitley Stokes) встрѣчается много намековъ на существованіе нѣкогда въ Ирландіи такой безпорядочности половыхъ сношеній.

Отъ Кельтовъ перейдемъ къ Германцамъ. Ни Цезарь, ни Тацитъ не говорятъ намъ ни слова объ общеніи женъ въ ихъ средѣ. Но если у извѣстныхъ классическимъ писателямъ племенъ общеніе женъ въ эпоху первоначальнаго знакомства съ ними Римлянъ уже успѣло уступить мѣсто болѣе сложнымъ и потому высшимъ формамъ брачныхъ отношеній, если въ варварскихъ законахъ мы уже имѣемъ дѣло съ вполне индивидуализировавшейся семьей, то изъ этого не слѣдуетъ, что въ отдѣльныхъ частяхъ Германіи или Швейцаріи, въ которыхъ физическія условія страны являлись долгое время тормазомъ въ дѣлѣ развитія гражданственности изслѣдователю нельзя было бы обнаружить слѣдовъ первобытнаго общенія женъ. Одинъ изъ такихъ слѣдовъ мнѣ удалось найти въ обычномъ правѣ одного изъ округовъ кантона Граубюнденъ, именно въ округѣ *Kloster*. Населеніе этого округа, по единогласному утвержденію всѣхъ историковъ, составилось преимущественно, если не исключительно, изъ нѣмецкихъ колонистовъ аллеманскаго происхожденія. Обычное право его не было кодифицировано вплоть до начала XVII в.; неудивительно поэтому, если въ число его постановленій вошло много обычаевъ, возникновение которыхъ относится къ несравненно болѣе ранней эпохѣ. Однимъ изъ такихъ должна быть признана статья, запрещающая такъ называемыя *Kilbener*, или сходбища въ селахъ,—сходбища, результатами которыхъ, какъ сказано въ кодексѣ, является блудъ и прелюбодѣяніе. Запрещая на будущее время всѣ подобнаго рода соборанія, власти округа поступаютъ точь-въ-точь, какъ это слѣ-

лали въ 1868 году жители села Воржа (Ярославской губ.), запретивши у себя навсегда ночныя бесѣды.

Но если въ современной намъ общественной жизни нѣмцевъ не сохранилось болѣе прямыхъ слѣдовъ хотя-бы временнаго общенія женъ, то свобода половыхъ сношеній до заключенія брака, державшаяся и по нынѣ въ нѣкоторыхъ кантонахъ нѣмецкой Швейцаріи, свидѣтельствуешь въ пользу господства нѣкогда безпорядочнаго полового сожитія у Германцевъ. Свобода, о которой я говорю, выражается въ существованіи еще въ наше время въ кантонахъ Швицъ и Аргау такъ наз. *Dorf—gehen* или *Kilchgang*, другими словами, обычая ходить по вечерамъ къ незамужнимъ женщинамъ и съ вѣдома родителей проводить съ ними ночь; обычай этотъ повсемѣстно господствовалъ не только въ нѣмецкой Швейцаріи, но и въ отдѣльныхъ округахъ Виртемберга и Баваріи, доказательствомъ чему служатъ собранныя Рохгольцемъ пѣсни, которыми молодые люди или даютъ знать о своемъ приходѣ своимъ любезнымъ или отгоняютъ своихъ случайныхъ конкурентовъ.

Изъ всего предыдущаго легко убѣдиться въ томъ, что безпорядочное половое сожитіе не составляетъ особенности однихъ малайскихъ, американскихъ, негритянскихъ или туранскихъ племенъ, какъ это думаютъ нѣкоторые изслѣдователи и въ числѣ ихъ Мэнъ, но что оно можетъ быть обнаружено и на основаніи фактовъ пероживанія отдѣльныхъ вѣтвей арійской расы—Славянъ, Кельтовъ и Германцевъ. Спрашивается теперь, насколько примѣнимъ сдѣланный нами выводъ къ исторіи общественнаго развитія, съ одной стороны, древнихъ Индусовъ, а съ другой—народовъ греко-римскаго міра.

Прежде чѣмъ приступить къ изложенію немногихъ фактовъ, добытыхъ для разрѣшенія этого вопроса исторіей законодательства и миѳологіей, я позволю сдѣлать себѣ слѣдующее общее замѣчаніе. Скудость и отрывочность нашихъ свѣдѣній по этому предмету обуславливается самымъ характеромъ тѣхъ источниковъ, изъ которыхъ они только и могутъ быть почерпнуты. Тогда какъ для изученія древнѣйшаго общественнаго быта Славянъ и Кельтовъ мы имѣемъ прямые свидѣтельства такихъ анналистовъ и историковъ, какъ Цезарь, Козьма Пражскій, Несторъ; при изу-

ченіи раннихъ формъ общественной жизни Индусовъ и Грековъ мы не располагаемъ другимъ матеріаломъ, кромѣ мифологическихъ сказаній или произведеній народной поэзіи: Ригъ-Веда, Атарва-Веда, Илиада и Одиссея — таковы тѣ памятники, которыми по неволѣ, за неимѣніемъ другихъ, принужденъ ограничиться изслѣдователь древнѣйшей культуру Индіи и Греціи, тогда какъ историку общественнаго развитія Рима не представляется и этого сомнительнаго богатства матеріала. Неудивительно, если при такихъ условіяхъ мы можемъ съ трудомъ извлечь лишь отрывочныя данныя касательно семейныхъ отношеній у первыхъ двухъ народовъ и совершенно принуждены игнорировать организацію семейства въ ранній періодъ римской жизни.

Аврелю Майеру первому пришло въ голову искать въ постановленіяхъ индусскаго наслѣдственнаго права слѣдовъ архаическаго общенія женъ. Находя въ цѣломъ рядъ законодательныхъ сборниковъ, начиная съ Яджнавалькии и оканчивая Митакшарой, правило о допущеніи къ наслѣдованію сына невѣрной жены, прижитаго ею въ сожительствѣ съ тѣмъ или другимъ, «изъ соплеменниковъ мужа, человѣка одной съ нимъ варна», по выраженію сборника Куллука, Майеръ пришелъ къ обнаруженію у Индусовъ обычая общенія женъ, по крайней мѣрѣ, въ его позднѣйшей формѣ, полового сожитія ближайшихъ родственниковъ съ одной и той же женщиной. Знакомство съ современными формами религіознаго гетеризма на берегахъ Ганга, въ Пондишерии Гоа, — гетеризма, состоящаго въ томъ, что женщины добровольно протитутуютъ себя въ храмѣ Югернавта, только укрѣпило его въ этой мысли, доказывая ему существованіе еще въ современной Индіи слѣдовъ первобытнаго общенія женъ въ самой поздней по времени формѣ: я разумѣю ограниченіе этого первоначально принадлежавшаго всему племени права одними представителями его — жрецами. Замѣчанія Майера по вопросу о первобытномъ общеніи женъ у Индусовъ навели Всеволода Миллера на счастливую мысль — провѣрить на основаніи строгаго филологическаго и мифологическаго разбора гимновъ Ригъ-Веды справедливость выставленной Максомъ Мюллеромъ теоріи, будто бы арійскія племена вообще и Индусы въ частности не знали съ

древнѣйшихъ временъ другихъ формъ общественныхъ отношеній, кромѣ малой семьи. Хотя изслѣдованія Всеволода Миллера и привели его къ заключенію, что въ Ведическій періодъ эта послѣдняя является уже вполне организованной, тѣмъ не менѣе ему удалось открыть въ отдѣльныхъ гимнахъ слѣды первобытнаго общенія женъ. Въ 10-мъ гимнѣ X-ой книги Ригъ-Веды, содержащемъ въ себѣ діалогъ между братомъ и сестрой—Ямомъ и Ями, Вс. Миллеръ считаетъ возможнымъ видѣть не одно лишь мифологическое представленіе объ отношеніи дня и ночи, но и прямое указаніе на сожительство нѣкогда брата съ сестрой. «Кто бы ни были Яма и Ями», говоритъ онъ, «они прежде всего братъ и сестра». Гимнъ, затрогивая вопросъ о бракѣ между ними и указывая на существованіе на этотъ счетъ двухъ противоположныхъ воззрѣній, одного — разрѣшительнаго, представленнаго въ лицѣ сестры, другаго — запрети- тельнаго, выразителемъ котораго является братъ, даетъ такимъ образомъ право заключить о допущеніи нѣкогда обычаемъ кровосмѣшенія, а слѣдовательно и объ отсутствіи всякаго препятствія къ полной свободѣ половыхъ сношеній. Если 10-й гимнъ X книги Ригъ-Веды даетъ право заключить о дозволеніи нѣкогда обычаемъ сожительства брата съ сестрой, то 2-й и 17-й стихи XIV-ой книги Атарва-Веды, въ которыхъ жена названа «любящей деверей», приводитъ къ выводу о сожительствѣ первоначально братьевъ съ одной и той же женщиной. Въ цѣломъ рядѣ весьма темныхъ стиховъ Вс. Миллеръ находитъ также слѣды сожительства отца съ дочерью. Въ свадебномъ гимнѣ Атарва - Веды онъ видитъ уподобленіе жены съ полемъ, причемъ мужчинамъ дается такой совѣтъ: «Одушевленная пашня, эта женщина пришла сюда; сѣйте, о мужи, въ нее ваше сѣмя». Въ этомъ множественномъ числѣ Миллеръ, въ противность Веберу, ищетъ остатокъ тѣхъ временъ, — мы употребляемъ его подлинныя слова, — когда множественное число по отношенію къ мужьямъ было уместно.

Вс. Миллеръ не скрываетъ того обстоятельства, что представленные имъ доводы далеко не имѣютъ рѣшительнаго характера. Выраженіе «любящая деверей» легко можетъ быть, говоритъ онъ, ничѣмъ инымъ, какъ выраженіемъ родственной

любви жены къ братьямъ мужа, а терминъ «мужи» въ стихѣ Аттарва-Веды легко можетъ быть *pluralis majestatis*. Едва ли не самымъ вѣскимъ подтвержденіемъ выставляемой имъ гипотезы является отмѣченный въ послѣднее время и обязательно сообщенный мнѣ фактъ существованія въ индуcскомъ ритуалѣ слѣдующей церемоніи. Жена въ присутствіи мужа должна отвѣтить на вопросъ жреца, кто до брака былъ ея любовникомъ; если у нея и не было такового, она тѣмъ не менѣе должна назвать чье нибудь имя. Эта церемонія важна для насъ въ томъ отношеніи, что указываетъ, во 1-хъ, на существованіе нѣкогда полной свободы половыхъ сношеній до заключенія брака, а во 2-хъ, на постепенное вымираніе этой свободы и удержаніе отъ нея въ концѣ концовъ одной лишь внѣшней формы или обряда. Миллеръ старается также поддержать защищаемый имъ взглядъ указаніемъ, на то обстоятельство, что уже въ гимнахъ Ригъ-Веды говорится о правѣ деверей на вдову, — правѣ, признанномъ законами Ману, а также—о правѣ жреца на вознагражденіе брачной сорочкой за добровольный и подразумеваемый отказъ отъ принадлежащаго ему, какъ представителю племени, права первой ночи,—права, признаваемаго за нимъ и до сихъ поръ въ храмѣ Югернавта. Къ оцѣнкѣ этого послѣдняго факта мы будемъ еще имѣть случай вернуться, когда поведемъ рѣчь о тѣхъ заключеніяхъ, къ которымъ приводитъ широкое распространеніе *jus primae noctis*.

Какъ ни недостаточны и отрывочны данныя, сообщаемыя Ведами, касательно древнѣйшихъ формъ отношеній между полами. тѣмъ не менѣе они полнѣе тѣхъ, которыя мы имѣемъ по тому же вопросу въ примѣненіи къ древнимъ обитателямъ Греціи и Италіи. Распущенность, съ нашей точки зрѣнія, нравовъ спартанскихъ женщинъ и обязательное сожитіе съ женою умершаго брата, или такъ называемый левиратъ, не только въ древней Троѣ, но и въ Аѣинахъ въ періодъ, слѣдующій за Гомеромъ,—таковы тѣ немногіе факты, которые могутъ быть приведены въ пользу существованія нѣкогда въ Греціи обычая общенія женъ *).

*) См. Mac. Lennan Kinship in Ancient Greece въ его Studies in Ancient history.

Факты эти получают однако надлежащее освѣщеніе лишь при сопоставленіи ихъ съ слѣдующимъ свидѣтельствомъ Клеарка о времени установленія въ Аѣинахъ частной семьи: «Кекропсъ первый, говоритъ этотъ писатель, установилъ въ Аѣинахъ постоянную связь между мужчиной и женщиной, возложивши на обоихъ обязанность взаимной вѣрности; до этого же времени отношенія половъ не были регулированы никакими общепринятыми правилами или законами и не было ребенка, который бы могъ назвать своего отца» *). Это свидѣтельство важно для насъ не потому, что даетъ возможность опредѣлять хотя бы съ приблизительной точностью время возникновенія въ Аѣинахъ малой семьи. Этой точности изслѣдователь, имѣющій дѣло съ народными сказаніями, переданными анналистами, едва ли когда будетъ въ состояніи достигнуть. Народная фантазія слишкомъ охотно надѣляетъ наиболее любимыхъ ею героевъ славными дѣлами, самый характеръ которыхъ не допускаетъ мысли о совершеніи ихъ тѣмъ или другимъ частнымъ лицомъ, какъ бы геніально ни было это послѣднее. Такъ и въ данномъ случаѣ. Установленіе индивидуальной семьи въ Аѣинахъ не могло быть дѣломъ личной инициативы полумиѣическаго законодателя. Интересъ приведеннаго свидѣтельства лежитъ не въ фиксированіи имъ эпохи происхожденія въ Аѣинахъ индивидуальнаго брака, а въ констатированіи имъ факта существованія въ Греціи преданія объ отсутствіи нѣкогда опредѣляемыхъ закономъ отношеній между полами, что въ свою очередь обуславливало собою невозможность иной родственной связи, кромѣ той, которую сама природа устанавливаетъ между дѣтьми и произведшею ихъ на свѣтъ матерью.

Переходя отъ жителей древней Греціи къ обитателямъ Итальянскаго полуострова, я принужденъ ограничиться приведеніемъ лишь слѣдующаго показанія историка Теопомпа касательно одного изъ народовъ, заселявшихъ полуостровъ задолго до возникновенія Рима—я разумѣю Тирренцевъ. «Законы послѣднихъ, говоритъ этотъ писатель, предписываютъ имъ общеніе женъ; дѣти

*) Clearque. ap. Athenae, XIII, 2. Это мѣсто цитировано Paul Gide въ его: «Étude sur la condition privée de la femme dans le droit ancien et moderne. Paris. 1867.

всѣхъ и каждого воспитываются совместно. такъ какъ никто не можетъ сказать утвердительно, чей онъ сынъ» *).

Скудость свѣдѣній касательно первобытной формы отношеній между полами у народовъ классической древности, по справедливому замѣчанію Поля Жида, объясняется тѣмъ, что въ эпоху, къ которой относятся даже древнѣйшіе изъ греческихъ и латинскихъ писателей, общеніе женъ уже перестало существовать на правахъ общераспространеннаго обычая, и только немногіе слѣды архаическаго коммунизма продолжали держаться въ такихъ удаленныхъ отъ гражданскаго оборота мѣстностяхъ Европы, каковы Кавказъ, берега Чернаго моря. Далматія, Бретань, Ирландія и Балеарскіе острова.

*) Paul Gide, стр. 20.